

Основаы экуменическаго общенія.

1. То, что называется „экуменическимъ движеніемъ“, совершенно отлично отъ такъ наз. „интерконфессіонализма“, при которомъ взаимныя встрѣчи христіанъ разныхъ исповѣданій не шли дальше взаимнаго ознакомленія или общей практической работы. Надъ интерконфессіонализмомъ вѣялъ и вѣетъ не духъ любви, а духъ вѣжливости, не жажда единства, а призывъ къ солидарности. Перегородки, стоящія между христіанскими исповѣданіями, признаются за непреложный и непреодолимый фактъ, — и только во имя христіанской солидарности и общихъ для всего христіанскаго міра задачъ, эти столь различныя между собой группы сближались и соединялись, сходясь въ доктринѣ — лишь на минимумѣ исповѣданія, на практикѣ — въ обращеніи къ проблемамъ міра въ ихъ внѣцерковной постановкѣ. Что касается минимума исповѣданія, то еще лѣтъ 40 назадъ, онъ неизмѣнно включалъ вѣру въ тріединого Бога, въ искупительный подвигъ Христа Спасителя, въ божественность Священнаго Писанія. Но съ того времени такъ далеко ушло разложеніе внутри христіанскаго міра, что если бы произвести точный учетъ того, что является общимъ въ т. наз. интерконфессіональныхъ встрѣчахъ, то это были бы — принципы христіанской этики и личная любовь къ Иисусу Христу, безъ признанія Его Богомъ, Спасителемъ, безъ вѣры въ Св. Троицу, безъ вѣры въ божественность Священнаго Писанія. Иначе говоря общій „минимумъ“ становится все ниже и ниже, дехристіанизируя тѣхъ, кто на немъ объединяется. Не менѣе фатальны итоги того собранія христіанскихъ силъ на общемъ дѣлѣ, которое тщательно избѣгаетъ догматической стороны христіанства и потому, ставя конкретныя задачи, стремится рѣшить ихъ, не связывая ихъ съ Церковью. Конечно, если исходить изъ отрицанія возможности и значенія догматовъ, — то только одно и остается — объединять христіанъ „внѣцерковно“. Такъ и ширится въ наше время новое отвлеченное и безцер-

ковное христіанство, ведущее насъ въ другомъ планѣ тоже къ дехристіанизаціи . . .

Правильное общеніе христіанъ разныхъ исповѣданій между собой можетъ быть только общеніемъ разныхъ Церквей, иначе говоря: оно не устраняетъ, а выдвигаетъ на первый планъ тему Церкви, ищетъ открытаго выявленія каждымъ исповѣданіемъ всей полноты его вѣрованій и догматическихъ идей. Тѣмъ самымъ такое общеніе сходитъ съ линіи „вѣжливости“ и вступаетъ въ плоскость гдѣ мы имѣемъ острѣе и мучительнѣе разъединенія разныхъ Церквей; оно становится по истинѣ возможнымъ лишь на линіи любви. Это и есть экуменическое движеніе, цѣль котораго заключается въ воссоединеніи Церквей, въ выявленіи единства Церкви. Экуменическое движеніе выросло изъ сознанія бесплодности прежняго типа встрѣчъ христіанъ разныхъ исповѣданій, изъ остраго сознанія, что церковныя раздѣленія не есть что то периферическое, о чемъ можно забыть, что можно обойти, — при глубокой вѣрѣ, что несмотря на церковныя раздѣленія единство христіанскаго міра не разрушено до конца, изъ надежды, что въ сознаніи грѣховъ нашихъ въ самомъ закрѣпленіи церковныхъ раздѣленій открывається сила благодатнаго преодоленія ихъ. Еще добавлю одно: какъ ни важно практически объединеніе христіанскаго міра въ виду единства безбожнаго фронта, въ виду объединенія противодѣйствующихъ антихристіанскихъ силъ, но намъ надо думать въ экуменическомъ движеніи не о практической необходимости объединенія, не о выгодахъ, а о правдѣ его. Развитие экуменическаго движенія нужно для того, чтобы исполнить завѣтъ правды и любви.

2. Такимъ образомъ экуменическое движеніе имѣетъ мѣсто тамъ и тогда, гдѣ и когда встрѣчаются реально отошедшія другъ отъ друга Церкви, когда соприкасаемся мы другъ съ другомъ въ нашемъ церковномъ сознаніи, до конца вѣрующемъ во спасеніе черезъ Церковь, которой оно принадлежитъ. Предпосылкой религіозно плодотворнаго общенія является поэтому вѣра въ абсо-

лютное значеніе своей Церкви, точнѣе говоря, сознание каждаго, что въ его Церкви есть подлинная и абсолютная (хотя бы и не полная) истина. Релятивизмъ въ отношеніи къ Церкви — признаніе, что въ ней нѣтъ абсолютной истины, тоже означаетъ такой упадокъ церковнаго сознанія, при которомъ проблема возсозданія церковнаго единства перестаетъ волновать душу. Нельзя въ вѣрѣ нашей въ Спасителя обрѣсти подлинное общеніе, если въ самой вѣрѣ нашей нѣтъ сознанія абсолютности искупительнаго подвига Спасителя. И если соберемся мы въ единствѣ этой вѣры, если ощутимъ мы свою догматическую базу, какъ прочную и единую, тогда вся трагедія церковныхъ раздѣленій встанетъ передъ нашимъ сознаніемъ съ исключительной силой. Это и есть новый экуменическій опытъ: надо реально, въ живой и конкретной встрѣчѣ пережить эти два несогласуемыхъ факта — что всѣ мы всѣмъ существомъ вѣримъ во Христа Спасителя и что въ то же время всѣ мы отдѣлены другъ отъ друга непроницаемыми перегородками. Экуменическое общеніе и есть откровеніе о томъ пути, на которомъ можно найти возсозданіе нашего единства. Оно есть мучительное, но въ то же время подлинно спасительное сознание, что мы всѣ ученики Христовы, что между нами не должно быть раздѣленій. И трагедія церковныхъ раздѣленій именно тогда открывается нашему сознанію во всей своей не только грѣховности, но и въ своей исторической тайнѣ, въ своей глубинности. Проблема церковнаго сознанія единства не можетъ быть вставлена только въ планъ психологическій или историческій. Дѣло не только въ томъ, чтобы намъ любовно относиться другъ къ другу, дѣло не только въ томъ, что раздѣлившіяся Церкви загладили историческій грѣхъ, а дѣло въ томъ — и это самое главное — чтобы сподобилъ Господь въ насъ явить міру откровеніе о Церкви. Церковь не явлена міру въ полнотѣ своей силы и своей правды; самая раздѣленія исповѣданій есть по существу расхожденія въ пониманіи тайны Церкви въ ея мистическій и исторической сущности, въ

ея богочеловѣческой природѣ. Въ силу этого экуменическое общеніе стремится не обходить догматическіе вопросы, а ставить ихъ, стремится обрѣсти самую почву, на которой было бы возможно „соборованіе“ по русскому выраженію, т. е. совмѣстное исканіе въ церковномъ разумѣ разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ.

3. Экуменическое общеніе есть самое важное и существенное въ экуменическомъ движеніи. Будемъ откровенны: этого общенія еще мало, оно очень часто даетъ прикосновеніе другъ къ другу всего въ нѣсколькихъ точкахъ, а затѣмъ растворяется въ чемъ то хорошемъ и цѣнномъ, но иномъ. Удивляться этому нечего: вѣдь суть экуменическаго общенія заключается въ реализаціи нашего единства въ Христѣ. Наше единство онтологически, въ самомъ существѣ нашего духовнаго бытія, обусловлено тѣмъ, что мы всѣ крещены во имя Св. Троицы, но это изначальное единство, хотя оно остается основой христіанскаго общенія, должно быть реализовано въ полнотѣ мистической и исторической жизни. Иначе говоря, реализація единства нашего во Христѣ, которое уже дано черезъ крещеніе, не можетъ быть иной какъ только церковной. Будемъ послѣдовательны и признаемъ этимъ тезисъ, который опредѣляетъ цѣль всего экуменическаго движенія; черезъ экуменическое движеніе мы стремимся къ полнотѣ нашего церковнаго единенія, т. е. къ общенію въ таинствахъ. Это общеніе въ таинствахъ, сакраментальное общеніе есть и высшая точка христіанскаго общенія и его смыслъ и его сердце: внѣ общенія въ таинствахъ или, точнѣе, при невозможности этого общенія, мы очевидно остаемся разобщенными въ самомъ дорогомъ и существенномъ. Общеніе же въ таинствахъ есть высшая точка, а вмѣстѣ съ тѣмъ самая сущность нашего единства — внѣ котораго оно имѣетъ психологическій, а не онтологическій характеръ. Но общеніе въ таинствахъ, которое и есть подлинное церковное общеніе, не можетъ быть предоставлено свободѣ отдѣльнаго человѣка, оно можетъ быть осуществляемо только при участіи и по

рѣшенію всего церковнаго народа или авторитетнаго ея возглавленія. Иначе говоря — проблема экуменическаго общенія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ вопросомъ о возсоединеніи Церквей. Это ее осложняетъ? Конечно, да, но вся трагичность нашихъ церковныхъ раздѣленій, столь окаменѣвшихъ въ теченіе вѣковъ, что утрачена часто возможность взаимнаго пониманія — вся трагичность положенія достигаетъ высшаго своего напряженія именно въ этой неосуществимости общенія въ таинствахъ — не смотря на реальность взаимной подлинной любви и часто даже догматической близости.

4. Чрезвычайно яркимъ, до трагичности прозрачнымъ и показательнымъ примѣромъ этого можетъ служить дѣятельность англо-русскаго Содружества. Восемь лѣтъ тому назадъ русское и англійское студенческое Движеніе — послѣ съѣзда федераціи въ Nyborgstrand — задумали устроить русско-англійскій съѣздъ въ виду чрезвычайной духовной и догматической близости нѣкоторыхъ группъ въ составѣ обоихъ Движеній. Этотъ съѣздъ былъ задуманъ по такому плану: было взято нѣсколько темъ изъ вопросовъ догматики и духовной жизни и на каждую тему было приглашено по два оратора — англичанинъ и русскій. Изъ Anglo Catholic group были приглашены выдающіеся дѣятели, съ русской стороны приняли участіе нѣкоторые выдающіеся богословы во главѣ съ проф. Булгаковымъ. Каждое утро и вечеръ по очереди служились службы; англокатолики по ихъ обычаю причащались почти всѣ на каждой своей литургіи, русскіе причащались въ послѣдній день на своей литургіи. Уже первый съѣздъ раскрылъ такую духовную близость православныхъ и англокатоликовъ, которая безъ преувеличенія можетъ быть названа большей, чѣмъ близость существующая напр. между лютеранами и кальвинистами. Но лютеране и кальвинисты имѣютъ общеніе въ таинствѣ, — а мы съ англокатоликами остались раздѣленными. Мы служили наши службы въ одномъ и томъ же храмѣ, мы молитвенно соединялись передъ Господомъ Богомъ, чувствовали исключительную духовную близость и глубокую

устремленность другъ къ другу; — смѣю сказать, чувствовали вѣяніе Духа Святого надъ нами и все же оставались раздѣльными въ Св. Причастіи. Съ года на годъ возростала и возрастаетъ наша близость; каждый годъ по тому же плану, что и раньше, устраиваются англо-русскіе съѣзды — съ большимъ подъемомъ и подлинно христіанскимъ воодушевленіемъ. Мы приблизились другъ къ другу вплотную — и все же... общеніе въ таинствахъ осталось такимъ же безнадежно далекимъ и нынѣ, какъ оно было сначала. Нельзя сказать, что въ такихъ съѣздахъ было просто „физическое сосѣдство“ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, — какое я наблюдалъ напр. въ одномъ городкѣ Швейцаріи, гдѣ въ одномъ и томъ же храмѣ служатъ и католики и реформаты. Въ глубинѣ храма высится католическій алтарь со статуями, иконами, свѣчами. Нѣсколько впереди стоитъ обычный у реформатовъ небольшой круглый столъ... Католики и реформаты смѣняютъ другъ друга въ своемъ богослуженіи, — но кромѣ простого физическаго совмѣщенія въ одномъ и томъ же храмѣ разныхъ исповѣданій здѣсь нѣтъ ничего — нѣтъ и капли экуменическаго общенія. Въ англо-русскихъ съѣздахъ какъ разъ иначе: здѣсь на лицо не только физическое сосѣдство службъ церковныхъ, но и такое (подлинно экуменическое) сближеніе, такое духовное общеніе, что отсутствіе общаго Св. Причастія вызываетъ не только недоумѣніе, но и мучительное страданіе, терзаетъ душу, ставитъ во всемъ объемѣ весь грѣхъ, всю неправду раздѣленности единой Церкви Христовой. Но въ самыя трагическія минуты, когда душа съ такой скорбью переживаетъ невозможность общенія у Св. Чаши, мы сознаемъ твердо и глубоко, что вѣковыя перегородки не могутъ быть сняты только людьми, что мы должны взять на себя крестъ нашей раздѣленности и понести его. Мы сознаемъ, что съ нашей стороны должно быть сдѣлано все для взаимнаго пониманія, для уясненія того, что вторично и маловажно, а что существенно въ нашихъ раздѣленіяхъ, — мы должны искать всей душой единства въ существенномъ, т. е. ступить на

путь догматическихъ, а не только жизненныхъ и моральныхъ бесѣдъ, мы должны вмѣстѣ искать такого выраженія Христовой Истины, которое открыло бы наше единство во Христѣ. Мы сознаемъ и то, что если бы оказались близкими даже до полного тождества, мы не можемъ лично, каждый для себя рѣшить вопросъ сакраментальнаго общенія, но должны ждать, когда Церкви, какъ цѣлостные организмы, соединятся.

5. Православная Церковь не знаетъ противопоставленія клира и народа. Строго и серьезно блюдя іерархическій принципъ (въ ученіи о таинствѣ священства) Православная Церковь устами восточныхъ патріарховъ въ 1847 г. (въ отвѣтъ на энциклику папы) указала, что хранителемъ истины является въ Православіи весь церковный народъ. Народъ безъ клира и клиръ безъ народа не составляютъ Церкви, — только въ живомъ и конкретномъ единствѣ осуществляется Церковь. При этомъ намъ совершенно чуждо внесеніе въ понятіе Церкви юридическаго принципа, какъ это лучше всего видно на теоріи „рецепціи“, которая относится къ вопросу о томъ, что дѣлаетъ постановленія собора имѣющими церковную силу. Никакая церковная власть, даже соборы, какъ бы ни были правильно канонически составлены, не имѣютъ силы, если ихъ рѣшенія не будутъ приняты Церковью въ цѣломъ. Эта рецепція удостоверяется не референдумомъ или голосованіемъ, а живымъ сознаниемъ Церкви. Въ Церкви дѣйствуетъ Св. Духъ, — и какъ бы люди ни блуждали въ охраненіи истины, Духъ Св. Церкви во время, которое нельзя опредѣлить заранѣе никакими правилами, даетъ торжество истинѣ. Это значитъ, что въ живомъ церковномъ сознаніи при содѣйствіи Св. Духа сама Церковь, а не отдѣльные люди являются органомъ истиннаго познанія. Каждый человекъ въ глубинѣ своей совѣсти, своего духа чувствуетъ истину, но истина не есть достояніе индивидуума, она раскрывается въ полнотѣ лишь черезъ Церковь. Но пока Церковь въ своей цѣлостной жизни выскажется и овладѣетъ истиной, — каждый отдѣль-

ный человекъ долженъ служить истинѣ, какъ она предстаетъ ему. Онъ долженъ объ этой истинѣ, какъ она ему раскрывается, повѣдать всей Церкви и ждать, что скажетъ Церковь. Такой „органической“ прогрессъ, естественно, очень медленный, особенно если принять во вниманіе, что православные напр. народы до сихъ поръ очень мало и очень поверхностно соприкасались съ западнымъ христіанствомъ. Это и есть крестъ нашего раздѣленія: пусть отдѣльнымъ людямъ стала уже близка и дорога идея церковнаго воссоединенія, пусть въ каждомъ исповѣданіи найдутся группы, дошедшія въ своемъ сближеніи до догматическаго единства и всецѣлой духовной близости, — они не могутъ замѣнить церковные организмы, не могутъ свою индивидуальную истину навязать Церкви.

6. Для экуменической проблемы это значитъ, что въ настоящее время экуменическое движеніе должно ставить себя задачей — расширение числа лицъ, принимающихъ лично участіе въ экуменическомъ общеніи, приобщеніе этихъ лицъ къ подлинному экуменическому опыту, дающему имъ возможность глубоко и серьезно пережить тему экуменическаго движенія, — а съ другой стороны углубленіе самого экуменическаго общенія, такое духовное и догматическое (одно отъ другого не можетъ быть отдѣляемо) сближеніе, при которомъ осуществлялось бы дѣйствительное единство въ вѣрѣ и жизни. Реализація этого духовнаго и догматическаго сближенія въ формѣ сакраментальнаго единства не можетъ быть предоставлена почину отдѣльныхъ лицъ, она должна быть дѣломъ самихъ Церквей. Но Церкви въ живой своей цѣлостности живутъ, отдѣленные одна отъ другой высокими, почти непреодолимыми перегородами. Лишь небольшая, можно сказать, ничтожная кучка людей подлинно и серьезно съ обѣихъ сторонъ входитъ въ экуменическое общеніе. Пусть это экуменическое общеніе остается неполнымъ, не получая своего завершенія въ общеніи у Св. Чаши, но оно подготавливаетъ почву для того, чтобы самыя Церкви стали ближе другъ къ другу. Ростъ въ ширь и ростъ въ глубину — вотъ двѣ задачи, передъ которыми стоитъ экумениче-

ское движеніе, — и совершенно ясно, что ростъ въ ширь имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда что то достигается въ глубинѣ. Поэтому экуменическое общеніе, хотя и стоящее пока безнадежно на порогѣ своего завершения въ общеніи у Св. Чаши, является важнѣйшей частью всего экуменическаго дѣла.

Экуменическая тема стоитъ не въ планѣ психологіи, а онтологіи, смыслъ ея не въ простомъ душевномъ или идейномъ и даже духовномъ единеніи, а въ томъ мистическомъ единеніи во Христѣ, вершиною котораго является общеніе у св. Чаши.

В. В. Зѣньковскій.

„Воинствующее безбожіе въ СССР въ 1934 году“.

(Обзоръ за годъ на основаніи матеріаловъ газеты „Безбожникъ“.)

Въ этомъ году Москва праздновала семнадцатую годовщину октябрьской революціи. Въ жизнь вступили поколѣнія, духовно сложившіяся почти подъ исключительнымъ вліяніемъ коммунистической системы и ея принциповъ. Можно уже поставить вопросъ, удалось ли безбожію овладѣть стихіей народной жизни, въ частности, массами новаго совѣтскаго „молодняка“.

На основаніи общей характеристики состоянія антирелигіозной работы за послѣднее время и, особенно, за 1934 годъ на этотъ вопросъ нужно, повидимому, дать отрицательный отвѣтъ.

Среди возрастающаго бюрократизма и формализма, ставшихъ стилемъ „первой въ мірѣ социалистической республики трудящихся“, а/р.* работа является наиболѣе слабосильнымъ порожденіемъ „пролетарской диктатуры“. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ убѣдительнѣе бумажно-

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи — для экономіи — мы вмѣсто термина „антирелигіозный“ будемъ пользоваться сокращеннымъ а/р.

И. Л.